

**ИДИЛЛИЧЕСКОЕ В ПОВЕСТИ
«СТАРΟΣВЕТСКИЕ ПОМЕЩИКИ» Н. В. ГОГОЛЯ И
ПОЭМЕ «ГЕРМАН И ДОРОТЕЯ» И. В. ГЁТЕ**

«Старосветские помещики» Гоголя и «Герман и Доротея» Гёте, произведения, столь несходные по жанру и сюжету, имеют важнейшую точку соприкосновения: и в том, и в другом доминирует идиллический тип художественного завершения. Идиллическое в искусстве и литературе представляет собой «радостную растроганность мирным, устойчивым и гармоничным сложением жизни, где находят себе место спокойное семейное бытие и счастливая любовь, единение человека с природой, его живой, творческий труд» (В. Е. Хализев).

То, что идиллический момент в той или иной мере присущ повести «Старосветские помещики», остро чувствовали уже современники Гоголя. Как известно, ещё А. С. Пушкин отзывался о «Старосветских помещиках» как о «шутливой, трогательной идиллии», которая «заставляет вас смеяться сквозь слёзы грусти и умиления». Именно в этом смысле следует, видимо, понимать слова Н. В. Станкевича о повести: «Как здесь схвачено чувство человеческого в пустой, ничтожной жизни!».

Дореволюционные и советские литературоведы также затрагивали этот вопрос. Так, Н. А. Котляревский говорил о повести как об «идиллической истории двух закатывающихся жизней», Д. Н. Овсяннико-Куликовский об «идиллическом настроении» «Старосветских помещиков»; В. В. Виноградов определил её как «жалостную идиллию», Н. К. Пиксанов замечал, что «на протяжении всей повести Гоголь воздерживается от карикатуры, шаржа, иронии по адресу милой ему четы»; В. В. Гиппиус отмечал гоголевское «изображение жизни существователей в тонах идиллии, а не сатиры», Б. М. Эйхенбаум подчёркивал, что «повесть... написана в тонах идиллии».

Что касается «Германа и Доротеи», то, хотя это и не совсем идиллия, однако Гёте в одном из писем к Шиллеру назвал это произведение «городской идиллией». Герхард Кайзер определил её как идиллию, выросшую в большую эпическую форму, и напомнил в этой связи, что Гегель в своей «Эстетике» утверждал, что в современной культуре возрождение эпического начала возможно только через идиллию, ведь только в замкнутом сельском мире сохраняется ещё та

конкретика, те личностные качества и та обозримость социально-бытового и духовного порядка, которые в гомеровскую эпоху были свойством всего социального мира.

Глубокую характеристику идиллического мироощущения предложил В. фон Гумбольдт в своей работе «Язык и философия культуры». Учёный наметил три основных момента идиллического:

1) замкнутость идиллического мира, способствующая единению человека с природой;

2) всеобщая повторяемость, царящая в идиллическом мире;

3) добровольная утрата идиллическим человеком какой-то части своей жизни и обретение им гармонии с миром, с другими людьми и с самими собой.

Все эти моменты можно обнаружить в поэтике обоих произведений.

Так, момент замкнутости постоянно акцентируется в гоголевской повести. Рассказчик говорит о «необыкновенно уединенной жизни» старосветских помещиков. Уединённость и отгороженность пространства старосветского поместья ясно ощущается благодаря перечислению границ, последовательно обволакивающих одна другую: это частокол, «*окружающий* небольшой дворик»; это плетень, *окружающий* сад, наполненный «яблонями и сливами»; это деревенские избы, «пошатнувшиеся на сторону», «*окружающие*» этот плетень; это вербы, бузина и груши, *осеяющие* эти избы. Рассказчик при этом подчёркивает, что «ни одно желание» не способно перелететь через все эти границы за пределы замкнутого пространства. Однако герой повести, Афанасий Иванович, всё-таки совершает два мысленных пространственных перемещения за пределы старосветского топоса, которые как будто размыкают локализованность жизни. Первое: «А что.., если бы вдруг загорелся дом наш, куда бы мы делись?»; второе: «Я сам думаю пойти на войну». Однако в обоих случаях «желание» героя, перелетающее через «частокол» круга его привычной деятельности, корректируется указанием на неподвижную деталь: стул. «Афанасий Иванович... смеялся, сидя на своём стуле»; «смеялся, сидя согнувшись на своём стуле». Эта деталь позволяет говорить об ещё большей реальной локализации местоположения героя и его, так сказать, «оседлости».

В художественном целом повести большой мир, находящийся за пределами усадьбы Товстогузов, представлен в качестве антитезы старосветской жизни. Ю. М. Лотман говорит о нём как о «чужом» не только для старичков, но и для проживающего там рассказчика.

В структуре произведения сатирическое изображение миропорядка, царящего во «внешнем мире», занимает гораздо меньше

места, чем описание жизни старосветских людей, представляя собой ряд отступлений от норм патриархальной жизни. Сами же эти нормы только укрепляются в сознании читателя при помощи подобного соседства. Например: «Это радушие [Товстогузов] вовсе не то, с каким угощает вас чиновник казённой палаты, вышедший в люди вашими стараниями, называющий вас благодетелем и ползающий у ног ваших».

Идиллический мир старосветского поместья, несмотря на свою «необыкновенно уединенную жизнь», принципиально открыт для гостей. При появлении гостей «владельцы этих скромных уголков, старички, старушки» изображаются не иначе, как «заботливо выходявшие навстречу». Более того, «эти добрые люди, можно сказать, жили для гостей. Всё, что у них было лучшего, всё выносилось».

Всю повесть пронизывает характерное для идиллического, по словам М. М. Бахтина, «сочетание человеческой жизни с жизнью природы, единство их ритма». Для иллюстрации этого положения И. А. Есаулов приводит такой пример: ««Девичья была набита молодыми и немолодыми девушками **в полосатых** исподницах... На стёклах звенело страшное множество мух, которых всех покрывал толстый бас шмеля, иногда сопровождаемый пронзительными визжаниями **ос** [звуковая и визуальная параллель: девушки/осы]; но как только подавали свечи, вся **эта ватага** [пока неясно, о ком идёт речь: о людях или о насекомых] отправлялась на ночлег и покрывала чёрною тучею весь потолок». Появляется определённая, но она не может не нести в себе оттенка первоначальной нерасчленённости природного и человеческого. Или например: «Слёзы, как **ручей**, как неумолчно точущий **фонтан**, лились ливнем на застилавшую его салфетку». В этом случае явление природы (ручей) и явление культуры (фонтан) оказываются совмещёнными. Оппозиция природы и культуры как бы снимается» [1]. Но, как нетрудно заметить, непосредственный интерес к явлениям культуры у обитателей идиллического пространства старосветского поместья отсутствовал: они не обращали никакого внимания на картины, висящие на стенах в комнатах их домика. И это вполне объяснимо: несмотря на свои необыкновенные душевные качества, Товстогубы не обладали глубокими духовными запросами: другой мир, более широкий (в частности, мир истории, к которому отсылают портреты Петра III и герцогини Лавальер), помещиков не интересовал: им было хорошо в своём замкнутом пространстве, и они не желали из него выходить

даже мысленно, созерцая картины, висящие на стенах. Однако не стоит забывать, что, несмотря на отсутствие у гоголевских персонажей интереса к картинам, сами они являются природным «оригиналом» к воображаемому живописному полотну рассказчика: «Если бы я был живописец и хотел изобразить на полотне Филемона и Бавкиду, я бы никогда не избрал другого оригинала, кроме их. <...> Лёгкие морщины на их лицах были расположены с такою приятностью, что художник, верно бы, украл их».

Что касается гётевской поэмы, то в ней тоже изображено замкнутое идиллическое пространство: провинциальный немецкий городок. Однако замкнутость этого идиллического мира нарушается здесь уже с первых страниц поэмы: хаос, возникший в результате французской буржуазной революции, врывается в мирное житьё глубокой немецкой провинции и угрожает её существованию. Но устремлённость к идиллическим ценностям всегда сохраняется в героях гётевской поэмы: благодаря заложенным в них идиллическим качествам, гётевские герои способны успешно противостоять силам разрушения.

Как старосветские помещики радушно принимают гостей из большого мира и угощают их, так и герои «Германа и Доротеи» охотно принимают беженцев и помогают им. Идиллическое единение как гоголевских, так и гётевских героев со своей человечностью достигается за счёт ослабления индивидуального в личном. Невозможным оказывается раздельное существование Афанасия Ивановича и Пульхерии Ивановны. И гётевские герои думают о браке даже в очень тяжёлое время: родители Германа поженились в пору большого несчастья, когда пожар сжёг весь их маленький провинциальный городок. Их брак был ответом на стихийное бедствие, а созданное ими богатство – материальным воплощением гармонии, царившей в их отношениях. И сам Герман, как и его родители, стремится начать свою семейную жизнь в тот момент, когда активизируются и побеждают силы хаоса. Как пишет Е. П. Зыкова, «в этом поддержании семейной традиции заключён важный для Гёте момент. Поэт прекрасно понимает, что созданное трудом этой семьи богатство хрупко и уязвимо: любой пожар, любая война легко сметут его с лица земли. Но жизнестойкость людей, создавших это богатство, останется, и они, если будут живы, снова воспроизведут его, поскольку жизнь без труда, без этой организации культурного пространства вокруг себя для них немислима» [2]. И герой Гёте, ощутив себя в роли главы семьи, в финале поэмы выражает готовность защищать свою землю на поле брани:

Ты, Доротея, моя; и моё отныне навечно
Будет моим! И бесстрашно его я приму под защиту –
С доблестью мужа. И если теперь иль, быть может, в грядущем
Станет нам враг угрожать, ты сама вручи мне оружие.
Буду я знать, что блюдешь ты мой дом и родителей милых.
О, я с отвагой тогда неприятелю выйду навстречу.
Если б так думали все, то сила сравнялась бы с силой
И долгожданный мир нас всех бы обрадовал вскоре.

А в финале гоголевской повести старосветской идиллии приходит конец: идиллические герои погибают, а идиллическое пространство, в котором они обитали, разрушается.

В чём же причина гибели гоголевской идиллии и жизнестойкости гётевской? Скорее всего причина эта заключается в том, что Гоголь и Гёте, используя при создании своих произведений идиллический строй художественности, руководствовались, вероятно, различными целевыми установками. Ведь не случайно «Старосветские помещики» и «Герман и Доротея» получили разное жанровое воплощение.

Е. П. Зыкова в своей статье ««Герман и Доротея» Гёте и жанр георгики в европейской поэзии XVIII века» показала близость этой гётевской поэмы к жанру георгики. Георгика утверждала нравственную ценность простой сельской жизни в единстве с природой и противопоставляла её, как идеал, сложности и порочности городской цивилизации. Но, в то же время, георгика отвергла идеал «золотого века» – идеал беззаботной жизни, когда земля в изобилии приносит всё, что необходимо, без каких-либо человеческих усилий, – и предложила взамен другой, более близкий и доступный: идеал сельского труда, преобразующего природу на благо ей самой и на благо человеку, приносящего ему счастье. В «Германе и Доротее» Гёте использует один из наиболее традиционных для жанра георгики мотивов: противостояние войны и мира как стихии разрушения и стихии созидания, сил хаоса и сил культуры. Создавая свою поэму в русле традиции жанра георгики и используя при этом идиллическую поэтику, Гёте стремился выразить в ней свои размышления о судьбах современной культуры, показать, что созидательный труд по организации культурного пространства, любовь и гармоничная семейная жизнь способны укрепить нравственность и чувство гражданского долга в людях и дать им возможность успешно противостоять силам хаоса, угрожающим родному жизненному пространству.

Что касается «Старосветских помещиков», то, как отметил Е. А. Сурков в своей статье «Об идиллическом в «Старосветских

помещиках» Н. В. Гоголя», «замысел этой повести и сам текст рождаются в атмосфере полемики по поводу жанра идиллии, начало которой было положено выходом книги «Идиллии Владимира Панаева» (1820). Сутью споров был вопрос о возможности создания национальной идиллии из современной жизни: одни считали, что это невозможно, поскольку современная идиллия не будет правдоподобной (В. Панаев, Н. Остолопов); другие пытались всё-таки соединить *идиллическое* с русской современностью. Вторую точку зрения поддерживал, например, Н. Гнедич, который считал, что *идиллическое* выражает «мысль о незыблемости идеала, над которым само время не властно» [3]. То, что герои погибают, свидетельствует о невозможности реализации идиллического и поэтического в «наш железный век», о чём, собственно, так интенсивно размышляли многие современники Гоголя. И эта невозможность создания современной идиллии носит какой-то фатальный характер: ведь причиной разрушения идиллического мира в «Старосветских помещиках» выступают не обыкновенные земные факторы (война, революция), как в «Германе и Доротее», а какие-то inferнально-демонические силы (кошка как вестница смерти, таинственные голоса), противостоять которым человек не в состоянии. Кроме того, как известно, Гоголь мечтал о возрождении ценностей золотого века, того «младенчески-прекрасного, которое (увы!) утрачено, но которое должно возвратить себе человечество, как своё законное наследие». Гоголь высоко оценивал ценностный мир прошлого и противопоставлял его «нынешним обстоятельствам» и «настоящему времени», когда «в литературе, как и во всём, – охлаждение», когда «как очаровываться, так и разочаровываться устали и перестали». Эта малороссийская идиллия, показанная Гоголем, и должна напомнить современному человеку уже давно утраченное «младенчески-прекрасное». Гоголь писал о современном ему человеке: «Всё позабыто человеком XIX века. Дрянь и тряпка стал всяк человек; обратил сам себя в подлое подножие всего и в раба самых пустейших и мелких обстоятельств, и нет теперь нигде свободы в её истинном смысле». Н. В. Лесогор так характеризует изображённую Гоголем малороссийскую идиллию: «Болезненно реагирующий на окружающий разлад Гоголь призывает к новому братству на основе христианской любви друг к другу. Он строит планы о будущем государстве-идиллии, где человек снова «совпадёт со своей человечностью» (М. М. Бахтин); этот вариант «проверен» идиллией, в которой отдельные «картины» сцеплены в мир идиллического человека. Исследуя, как бы «разыгрывая» этот мир, Гоголь стремится выявить те безусловно ценные «идиллические»

качества, какие сохранились в современном человеке и призваны помочь ему, преодолев всеобщий кризис (который виделся Гоголю исключительно нравственным), восстановить мировую гармонию» [4].

Примечания:

1. Есаулов И. А. Спектр адекватности в истолковании литературного произведения. («Миргород» Н. В. Гоголя). – М., 1997. – Гл. 2. – С. 33–34.

2. Зыкова Е. П. «Герман и Доротея» Гёте и жанр георгики в европейской поэзии XVIII века // XVIII век: судьбы поэзии в эпоху прозы. – М., 2001. – С. 58–59.

3. Сурков Е. А. Об идиллическом в «Старосветских помещиках» Н. В. Гоголя // Н. В. Гоголь и славянский мир (русская и украинская рецепции): Сборник статей / ред. Н. В. Хомук. – Томск, 2007. – Вып. 1. – С. 49–50.

4. Лесогор Н. В. Идиллия в творческом самосознании и художественной практике Н. В. Гоголя // Проблемы исторической поэтики в анализе литературного произведения. – Кемерово, 1987. – С. 64.

Анотація

У статті подається порівняльний аналіз ідилічного у повісті М. В. Гоголя «Старосвітські поміщики» та поемі «Герман і Доротея» Й. В. Гете.

Ключові слова: ідилія, сатиричне зображення, повість, поема.

Аннотация

В статье подается сравнительный анализ идиллического в повести Н. В. Гоголя «Старосветские помещики» и поэме «Герман и Доротея» И. В. Гёте.

Ключевые слова: идиллия, сатирическое изображение, повесть, поэма.

Summary

The comparative analysis of idyllic in the story «Starosvetskie squires» by N. V. Gogol and the poem «Herman and Doroteya» by Gete is given. In the article.

Keywords: idyll, satiric image, story, poem.